

Кирилл Кириллов

**Старший дизайнер в креативной инхаус-студии
Magic Camp**

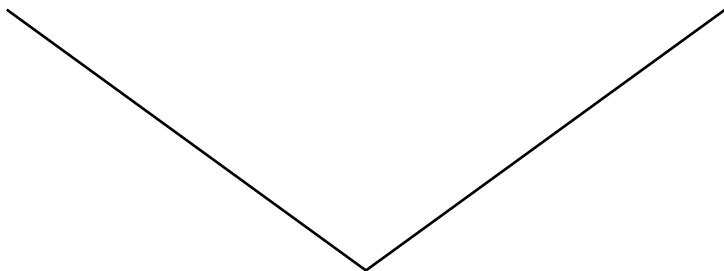
Пьеса Горького — об отверженных людях, которые оказались на самом дне жизни. Ниже опуститься уже невозможно, но герои рассуждают на высокие темы.

Поэтому и обложка, с одной стороны, про грусть и отчаяние, с другой — про то, что человек всегда главный, даже в самые темные времена своей жизни.

Обложка создана совместно с иллюстратором
Иваном Казуковым.

На дне

Максим Горький

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Г71

Иллюстрация на обложке
Кирилл Кириллов

Горький, Максим.

Г71 На дне / Максим Горький. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (100 из 100. Дизайнерская серия).

ISBN 978-5-04-236120-3

Прошло больше ста лет со времени создания Максимом Горьким пьесы «На дне», а герои ее не исчезли и по-прежнему узнаваемы: бездомные, воры, проститутки — отвергнутые обществом люди «дна» — как будто переместились во времени, не утратив своих проблем, из горьковского притона на улицы современного мегаполиса. И столь же актуальным остался вопрос о необходимости выбора своей позиции: «Человек — это звучит гордо!» или «Человека жалеть нужно».

В книгу также включены пьесы «Мещане» и «Васса Железнова», рассказы и поэмы в прозе.

УДК 821.161.1-82

ББК 84(2Рос=Рус)6я44

© 000 «Яндексе Музыка», художественное оформление, 2026

© Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-236120-3

Пьесы

На дне

Посвящаю Константину
Петровичу Пятницкому
М. Горький

Действующие лица:

Михаил Иванов Костылев, 54 года, содержатель
ночлежки

Василиса Карповна, его жена, 26 лет

Наташа, ее сестра, 20 лет

Медведев, их дядя, полицейский, 50 лет

Васька Пепел, 28 лет

Клещ, Андрей Митрич, слесарь, 40 лет

Анна, его жена, 30 лет

Настя, девица, 24 года

Квашня, торговка пельменями, под 40 лет

Бубнов, картузник, 45 лет

Барон, 33 года

Сатин, приблизительно одного возраста, лет под 40

Актер

Лука, странник, 60 лет

Алешка, сапожник, 20 лет

Кривой Зоб }
Татарин } крючники

Несколько босяков без имен и речей

Акт первый

Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет — от зрителя и, сверху вниз, — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары Бубнова. В левом углу — большая русская печь; в левой, каменной, стене — дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены — широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам — нары. На переднем плане у левой стены — обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем — перед наковальней — сидит Клещ, примеряя ключи к старым замкам. У ног его — две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки — большой стол, две скамьи, табурет, всё — некрашеное и грязное. За столом, у самовара, Квашня — хозяйничает, Барон жует черный хлеб и Настя, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет Анна. Бубнов, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него — изодранная картонка

из-под шляпы — для козырьков, куски клеенки, тряпье.
С а т и н только что проснулся, лежит на нарах и — рычит.
На печке, невидимый, возится и кашляет А к т е р .

Начало весны. Утро.

Б а р о н. Дальше!

К в а ш н я. Не-ет, говорю, милый, с этим ты от меня —
поди прочь. Я, говорю, это испытала... и теперь уж — ни за
сто печеных раков — под венец не пойду!

Б у б н о в (*Сатину*). Ты чего хрюкаешь?

С а т и н рычит.

К в а ш н я. Чтобы я, — говорю, — свободная женщина,
сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась,
чтобы я мужчине в крепость себя отдала — нет! Да будь
он хоть принц американский — не подумаю замуж за
него идти.

К л е щ. Врешь!

К в а ш н я. Чего-о?

К л е щ. Врешь. Обвенчаешься с Абрамкой...

Б а р о н (*выхватив у Насти книжку, читает назва-
ние*). «Роковая любовь»... (*Хохочет.*)

Н а с т я (*протягивая руку*). Дай... отдай! Ну... не балуй!

Барон смотрит на нее, помахивая книжкой
в воздухе.

К в а ш н я (*Клещу*). Козел ты рыжий! Туда же — врешь!
Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Б а р о н (*ударяя книгой по голове Настю*). Дура ты,
Настька...

Н а с т я (*отнимает книгу*). Дай...

К л е щ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенча-
ешься... только того и ждешь...

К в а ш н я. Конечно! Еще бы... как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти...

К л е щ. Молчать, старая собака! Не твое это дело...

К в а ш н я. А-а! Не терпишь правды!

Б а р о н. Началось! Настька – ты где?

Н а с т я *(не поднимая головы)*. А?.. Уйди!

А н н а *(высовывая голову из-за полога)*. Начался день! Бога ради... не кричите... не ругайтесь вы!

К л е щ. Заныла!

А н н а. Каждый божий день... Дайте хоть умереть спокойно!

Б у б н о в. Шум – смерти не помеха...

К в а ш н я *(подходя к Анне)*. И как ты, мать моя, с таким злыднем жила?

А н н а. Оставь... отстань...

К в а ш н я. Ну-ну! Эх ты... терпеливица!.. Что, не легче в груди-то?

Б а р о н. Квашня! На базар пора...

К в а ш н я. Идем, сейчас! *(Анне)*. Хочешь – пельмешков горяченьких дам?

А н н а. Не надо... спасибо. Зачем мне есть?

К в а ш н я. А ты – поешь. Горячее – мягчит. Я тебе в чашку отложу и оставлю... захочешь когда, и покушай! Идем, барин... *(Клещу)*. У, нечистый дух... *(Уходит в кухню)*.

А н н а *(кашляя)*. Господи...

Б а р о н *(тихонько толкает Настю в затылок)*. Брось... дуреха!

Н а с т я *(бормочет)*. Убирайся... я тебе не мешаю.

Барон, насвистывая, уходит за Квашней.

С а т и н *(приподнимаясь на нарах)*. Кто это бил меня вчера?

Бубнов. А тебе не всё равно?..

Сатин. Положим — так... А за что били?

Бубнов. В карты играл?

Сатин. Играл...

Бубнов. За это и били...

Сатин. М-мерзавцы...

Актер (*высовывая голову с печи*). Однажды тебя со всем убьют... до смерти...

Сатин. А ты — болван.

Актер. Почему?

Сатин. Потому что — дважды убить нельзя.

Актер (*помолчав*). Не понимаю... почему — нельзя?

Клещ. А ты слезай с печи-то да убирай квартиру... чего нежишься?

Актер. Это дело не твое...

Клещ. А вот Василиса придет — она тебе покажет, чье дело ...

Актер. К черту Василису! Сегодня Баронова очередь убираться... Барон!

Барон (*выходя из кухни*). Мне некогда убираться... я на базар иду с Квашней.

Актер. Это меня не касается... иди хоть на каторгу... а пол мести твоя очередь... я за других не стану работать...

Барон. Ну, черт с тобой! Настёнка подметет... Эй, ты, роковая любовь! Очнись! (*Отнимает книгу у Настю*.)

Настя (*вставая*). Что тебе нужно? Дай сюда! Озорник! А еще — барин...

Барон (*отдавая книгу*). Настя! Подмети пол за меня — ладно?

Настя (*уходя в кухню*). Очень нужно... как же!

Квашня (*в двери из кухни — Барону*). А ты — иди! Уберутся без тебя... Актер! тебя просят — ты и сделай... не переломишься, чай!

А к т е р. Ну... всегда я... не понимаю...

Б а р о н (*выносит из кухни на коромысле корзины. В них — корчаги, покрытые тряпками*). Сегодня что-то тяжело...

С а т и н. Стоило тебе родиться бароном...

К в а ш н я (*Актеру*). Ты смотри же, — подмети! (*Выходит в сени, пропустив вперед себя Барона*.)

А к т е р (*слезая с печи*). Мне вредно дышать пылью. (*С гордостью*.) Мой организм отравлен алкоголем... (*Задумывается, сидя на нарах*.)

С а т и н. Организм... органон...

А н н а. Андрей Митрич...

К л е щ. Что еще?

А н н а. Там пельмени мне оставила Квашня... возьми, поешь.

К л е щ (*подходя к ней*). А ты — не будешь?

А н н а. Не хочешь... На что мне есть? Ты — работник... тебе — надо...

К л е щ. Боишься? Не бойся... может, еще...

А н н а. Иди, кушай! Тяжело мне... видно, скоро уж.

К л е щ (*отходя*.) Ничего... может — встанешь... бывает! (*Уходит в кухню*.)

А к т е р (*громко, как бы вдруг проснувшись*). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм — совершенно отравлен алкоголем...

С а т и н (*улыбаясь*). Органон...

А к т е р (*настойчиво*). Не органон, а ор-га-ни-зм...

С а т и н. Сикамбр...

А к т е р (*махнет на него рукой*). Э, вздор! Я говорю — серьезно... да. Если организм — отравлен... значит — мне вредно мести пол... дышать пылью...

С а т и н. Макробиотика... ха!

Б у б н о в. Ты чего бормочешь?

С а т и н. Слова... А то еще есть — трансцендентальный...

Б у б н о в. Это что?

С а т и н. Не знаю... забыл...

Б у б н о в. А к чему говоришь?

С а т и н. Так... Надоели мне, брат, все человеческие слова... все наши слова — надоели! Каждое из них слышал я... наверное, тысячу раз...

А к т е р. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... Я играл в ней могильщика...

К л е щ (выходя из кухни). Ты с метлой играть скоро будешь?

А к т е р. Не твое дело... (Ударяет себя в грудь рукой.)
«Офелия! О... помяни меня в твоих молитвах!..»

За сценой, где-то далеко, — глухой шум, крики, свисток полицейского. Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

С а т и н. Люблю непонятные, редкие слова... Когда я был мальчишкой... служил на телеграфе... я много читал книг...

Б у б н о в. А ты был и телеграфистом?

С а т и н. Был... (Усмехаясь.) Есть очень хорошие книги... и множество любопытных слов... Я был образованным человеком... знаешь?

Б у б н о в. Слышал... сто раз! Ну и был... эка важность!.. Я вот — скорняк был... свое заведение имел... Руки у меня были такие желтые — от краски: меха подкрашивал я, — такие, брат, руки были желтые — по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не отмою... так с желтыми руками и помру... А теперь вот они, руки... просто грязные... да!

С а т и н. Ну, и что же?

Б у б н о в. И больше ничего...

С а т и н. Ты это к чему?

Б у б н о в. Так... для соображения... Выходит: снаружи как себя ни раскрашивай – всё сотрется... всё сотрется, да!

С а т и н. А... кости у меня болят!

А к т е р (*сидит, обняв руками колени*). Образование – чепуха, главное – талант. Я знал артиста... он читал роли по складам, но мог играть героев так, что... театр трещал и шатался от восторга публики...

С а т и н. Бубнов, дай пятак!

Б у б н о в. У меня всего две копейки...

А к т е р. Я говорю – талант, вот что нужно герою. А талант – это вера в себя, в свою силу...

С а т и н. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав... Клещ, дай пятак!

К л е щ. Пошел к черту! Много вас тут...

С а т и н. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю...

А н н а. Андрей Митрич... Душно мне... трудно...

К л е щ. Что же я сделаю?

Б у б н о в. Дверь в сени отвори...

К л е щ. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я – на полу... пусти меня на свое место да и отвори... а я и без того простужен...

Б у б н о в (*спокойно*). Мне отворять не надо... твоя жена просит...

К л е щ (*угрюмо*). Мало ли кто чего попросил бы...

С а т и н. Гудит у меня голова... эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

Б у б н о в. Они не только по башкам, а и по всему прочему телу. (*Встает.*) Пойти ниток купить... А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня... словно издохли. (*Уходит.*)

Анна кашляет. Сатин, закинув руки под голову, лежит неподвижно.

Актер (*тоскливо осмотревшись вокруг, подходит к Анне*). Что? Плохо?

Анна. Душно.

Актер. Хочешь – в сени выведу? Ну, вставай. (*Помогает женщине подняться, накидывает ей на плечи какую-то рухлядь и, поддерживая, ведет в сени*.) Ну-ну... твердо! Я – сам больной... отравлен алкоголем...

Костылев (*в дверях*). На прогулку? Ах, и хороша парочка, баран да ярочка...

Актер. А ты – посторонись... видишь – больные идут?..

Костылев. Проходи, изволь... (*Налевая под нос что-то божественное, подозрительно осматривает ночлежку и склоняет голову налево, как бы прислушиваясь к чему-то в комнате Пепла. Ключи ожесточенно звякают ключами и скрипит подпилком, исподлобья следя за хозяином*.) Скрипишь?

Ключ. Чего?

Костылев. Скрипишь, говорю? (*Пауза*.) А-а... того... что, бишь, я хотел спросить? (*Быстро и негромко*.) Жена не была здесь?

Ключ. Не видал...

Костылев (*осторожно подвигаясь к двери в комнату Пепла*). Сколько ты у меня за два-то рубля в месяц места занимаешь! Кровать... сам сидишь... н-да! На пять целковых места, ей-богу! Надо будет накинуть на тебя полтинничек...

Ключ. Ты петлю на меня накинь да задави... Издохнешь скоро, а всё о полтинниках думаешь...

Костылев. Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, живи знай в свое удовольствие... А я на тебя полтинку накину, – маслица в лампаду куплю... и будет перед святой иконой жертва моя гореть...

И за меня жертва пойдет, в воздаяние грехов моих, и за тебя тоже. Ведь сам ты о грехах своих не думаешь... ну вот... Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачала от твоего злодейства... никто тебя не любит, не уважает... работа твоя скрипучая, беспокойная для всех...

К л е щ (*кричит*). Ты что меня... травить пришел?

Сатин громко рычит.

К о с т ы л е в (*вздрыгнув*). Эх ты, батюшка...

А к т е р (*входит*). Усадил бабу в сенях, закутал...

К о с т ы л е в. Экой ты добрый, брат! Хорошо это... это зачтется всё тебе...

А к т е р. Когда?

К о с т ы л е в. На том свете, братик... там всё, всякое деяние наше усчитывают...

А к т е р. А ты бы вот здесь наградил меня за доброту...

К о с т ы л е в. Это как же я могу?

А к т е р. Скости половину долга...

К о с т ы л е в. Х-хе! Ты всё шутишь, милачок, всё играешь... Разве доброту сердца с деньгами можно равнять? Доброта — она превыше всех благ. А долг твой мне — это так и есть долг! Значит, должен ты его мне возместить... Доброта твоя мне, старцу, безвозмездно должна быть оказана...

А к т е р. Шельма ты, старец... (*Уходит в кухню.*)

Клещ встает и уходит в сени.

К о с т ы л е в (*Сатину*). Скрипун-то? Убежал, хе-хе! Не любит он меня...

С а т и н. Кто тебя — кроме черта — любит?..

К о с т ы л е в (*посмеиваясь*). Экой ты ругатель! А я вас всех люблю... я понимаю, братия вы моя несчастная, никудышняя, пропащая... (*Вдруг, быстро.*) А... Васька — дома?

С а т и н. Погляди...

К о с т ы л е в (*подходит к двери и стучит*). Вася! (*Актер появляется в двери из кухни. Он что-то жует.*)

П е п е л. Кто это?

К о с т ы л е в. Это я... я, Вася.

П е п е л. Что надо?

К о с т ы л е в (*отодвигаясь*). Отвори...

С а т и н (*не глядя на Костылева*). Он отворит, а она — там...

Актер фыркает.

К о с т ы л е в (*беспокойно, негромко*). А? Кто — там? Ты... что?

С а т и н. Чего? Ты — мне говоришь?

К о с т ы л е в. Ты что сказал?

С а т и н. Это я так... про себя...

К о с т ы л е в. Смотри, брат! Шути в меру... да! (*Сильно стучит в дверь.*) Василий!..

П е п е л (*отворяя дверь*). Ну? Чего беспокоишь?

К о с т ы л е в (*заглядывая в комнату*). Я... видишь — ты...

П е п е л. Деньги принес?

К о с т ы л е в. Дело у меня к тебе...

П е п е л. Деньги — принес?

К о с т ы л е в. Какие? Погоди...

П е п е л. Деньги, семь рублей, за часы — ну?

К о с т ы л е в. Какие часы, Вася?.. Ах, ты...

П е п е л. Ну, ты гляди! Вчера, при свидетелях, я тебе продал часы за десять рублей... три — получил, семь — подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тут, беспокоит людей... а дела своего не знает...

К о с т ы л е в. Ш-ш! Не сердись, Вася... Часы — они...

С а т и н. Краденые...

К о с т ы л е в (*строго*). Я краденого не принимаю... как ты можешь...

П е п е л (*берет его за плечо*). Ты — зачем меня встревожил? Чего тебе надо?

К о с т ы л е в. Да... мне — ничего... я уйду... если ты такой...

П е п е л. Ступай, принеси деньги!

К о с т ы л е в (*уходит*). Экие грубые люди! Ай-яй...

А к т е р. Комедия!

С а т и н. Хорошо! Это я люблю...

П е п е л. Чего он тут?

С а т и н (*смеясь*). Не понимаешь? Жену ищет... И чего ты не пришибешь его, Василий?

П е п е л. Стану я из-за такой дряни жизнь себе портить...

С а т и н. А ты — умненько. Потом — женись на Василисе... хозяином нашим будешь...

П е п е л. Велика радость! Вы не токмо всё мое хозяйство, а и меня, по доброте моей, в кабаке пропнете... (*Садится на нары.*) Старый черт... разбудил... А я — сон хороший видел: будто ловлю я рыбу, и попал мне — огромнейший лещ! Такой лещ, — только во сне эдакие и бывают... И вот я его вожу на удочке и боюсь, — леса обрвется! И приготовил сачок... Вот, думаю, сейчас...

С а т и н. Это не лещ, а Василиса была...

А к т е р. Василису он давно поймал...

П е п е л (*сердито*). Подите вы к чертям... да и с ней вместе!

К л е щ (*входит из сеней.*). Холодище... собачий...

А к т е р. Ты что же Анну не привел? Замерзнет...

К л е щ. Ее Наташка в кухню увела к себе...

А к т е р. Старик — выгонит...

К л е щ (*садясь работать*). Ну... Наташка приведет...

С а т и н. Василий! Дай пятак...

А к т е р (Сатину). Эх ты... пятак! Вася! Дай нам двугривенный...

П е п е л. Надо скорее дать... пока рубля не просите... на!

С а т и н. Гиблартарт! Нет на свете людей лучше воров!

К л е щ (угрюмо). Им легко деньги достаются... Они — не работают...

С а т и н. Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются... Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна — я, может быть, буду работать... да! Может быть! Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство! (Актёру.) Ты, Сарданапал! Идем...

А к т е р. Идем, Навухудоноссор! Напьюсь — как... сорок тысяч пьяниц...

Уходят.

П е п е л (зевая). Что, как жена твоя?

К л е щ. Видно, скоро уж...

Пауза.

П е п е л. Смотрю я на тебя, — зря ты скрипишь.

К л е щ. А что делать?

П е п е л. Ничего...

К л е щ. А как есть буду?

П е п е л. Живут же люди...

К л е щ. Эти? Какие они люди? Рвань, золотая рота... люди! Я — рабочий человек... мне глядеть на них стыдно... я с малых лет работаю... Ты думаешь — я не вырвусь отсюда? Вылезу... кожу сдеру, а вылезу... Вот, погоди... умрет жена... Я здесь полгода прожил... а всё равно как шесть лет...

Пепел. Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...

Клещ. Не хуже! Живут без чести, без совести...

Пепел (*равнодушно*). А куда они – честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...

Бубнов (*входит*). У-у... озяб!

Пепел. Бубнов! У тебя совесть есть?

Бубнов. Чего-о? Совесть?

Пепел. Ну да!

Бубнов. На что совесть? Я – не богатый...

Пепел. Вот и я то же говорю: честь-совесть богатым нужна, да! А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести...

Бубнов. А он что – занять хотел?

Пепел. У него – своей много...

Бубнов. Значит, продает? Ну, здесь этого никто не купит. Вот картонки ломаные я бы купил... да и то в долг...

Пепел (*поучительно*). Дурак ты, Андрюшка! Ты бы, насчет совести, Сатина послушал... а то – Барона...

Клещ. Не о чем мне с ними говорить...

Пепел. Они – поумнее тебя будут... хоть и пьяницы...

Бубнов. А кто пьян да умен – два угодя в нем...

Пепел. Сатин говорит: всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее... И это – верно...

Наташа входит. За нею – Лука с палкой
в руке, с котомкой за плечами, котелком
и чайником у пояса.

Лука. Доброго здоровья, народ честной!

Пепел (*приглаживая усы*). А-а, Наташа!

Бубнов (*Луке*). Был честной, да позапрошлой весной...